

СЮЖЕТ — САМА ЖИЗНЬ

Газета продолжает разговор о творческой лаборатории писателя. Сегодня под нашей традиционной рубрикой выступает известный советский писатель

Георгий БЕРЕЗКО

Как возникает замысел? С чего начинается работа над литературным произведением — и не только литературным? Популярная метафора с зерном, падающим на плодородную почву и прорастающим в ней, дает известное представление о том, как все происходит. Но что же является этим зерном, из которого при счастливом сочетании многих условий произрастает — если развернуть метафору — такое прекрасное, долго цветущее растение (я имею в виду — само собой понятно — лучшее произведение словесного и всякого другого искусства)?

Этим зерном может быть и мысль, идея, окрылившая художника, направившая его на поиски и исследование определенного жизненного «материала», и впечатление, пробудившее его мысль или чувство, а скорее — и то, и другое. Чаше всего, вероятно, толчком к возникновению замысла является удивление перед новым, только сейчас открывшимся, — оно может быть окрашено и радостью, и восхищением, и сочувствием, и гневом — удивление, заставляющее работать воображение, фантазию.

И тогда что-то как бы «завязывается», уплотняется, становится неким

силовым центром — это похоже еще на процесс кристаллизации, причем тот кристалл, что выпадает из перенасыщенного впечатлениями «раствора», называется художественным образом...

У меня есть повесть «Командир дивизии» («Знамя на холме»), написанная еще в военные годы, и замысел ее возник в одну из навсегда памятных мне жесточайших ночей первой военной зимы в Подмоскovie...

На участке Варшавского шоссе, где из ночи в ночь атаковала дивизия, в которой я, сотрудник дивизионной газеты, служил, фашисты глубоко зарылись в землю, создали плотную систему огня. И наши части таили, повторяя малоуспешные и кровопролитные атаки...

Собиранием материала я тогда не занимался — «материал» был во мне, со мной, он обременял меня. И, не мудруясь лукаво, я в данном случае последовал за «материалом». Я начал повесть с того, что мой основной герой, командир дивизии, едет рано утром на свой НП, чтобы предпринять последнюю, решающую атаку.

Затем, шаг за шагом, я сопровождал моего комдива во всех его действиях, в разговорах с подчиненными, с солдатами, в

работе с начальником штаба, участвовал в его раздумьях.

Углубляясь в задачу, стоящую перед ним, воспроизводя условия, в которых он решал ее, я все пристальнее присматривался к нему самому. И сюжет возник словно бы сам собой, по мере того, как развивались события и тот герой поворачивался к читателю то одной, то другой стороной...

Ко мне обратился, я вспоминаю, с предложением написать книгу о мирных буднях Советской Армии, и теперь уже мне понадобилось предварительно запастись материалом. Армия перевооружалась, ветераны уходили на покой, уступая место молодежи, не нюхавшей пороха, появилась новая, более совершенная техника, а с нею новые мирные проблемы и конфликты, без которых вообще не бывает жизни.

И я поехал в армию «за материалом», а вместе с тем за замыслом, — я еще и понятия не имел, о чем и как буду писать. Вернулся я из своих поездок уже с какими-то мыслями об идеях будущего романа и с сюжетными предположениями. Но опять-таки я заметил сюжет, который, как мне казалось, органически вытекал из моих новых впечатлений и новых знакомств.

Мне не надо было куда-нибудь ездить, чтобы собрать «материал» для «Необыкновенных москви-

чей». Мне достаточно было для этого выйти на улицу... А на улице я сразу же попадал в поток людей, в котором не было людей неинтересных. Между тем первый набросок плана моего нового сочинения предусматривал только небольшую сравнительно повесть с ограниченным эпизодическим сюжетом, с двумя-тремя портретами.

Остался этот мотив в романе — мотив фронтовой дружбы, но с ним переплелось теперь много других мотивов, и повествование расширилось в процессе работы, а другими словами — в процессе углубления и развития идеи романа.

Закономерно усложнилась и сюжет, ибо мне потребовалось написать целую серию портретов «простых» людей.

Расширение границ повествования в работе над «Необыкновенными москвичами» произошло естественно.

С моим недавним романом «Дом учителя» случилось примерно то же самое. Вначале я также собирался написать скромную по объему повесть о том, как иной раз неожиданно для самих себя люди на войне становились героями в истинном смысле. И, по-видимому, мой замысел оказался по своим возможностям содержательнее моих предварительных сюжетных набросков. Чем глубже я входил в работу, тем он представлялся мне все более значительным, вернее сказать, тем все больше жизненных «доказательств» он обретал.